

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.6>

Константинова Людмила Владимировна

ЛЮБОМУДРЫ И ДЕКАБРИСТЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО И БЫТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Целью данной статьи является сравнительный анализ социального и бытового поведения представителей Любомудров и декабристов. В ходе проведенного исследования были выявлены общие черты и отличия общественного и бытового поведения Любомудров и декабристов, связанные с влиянием просветительской идеологии и романтизма. Автором были сформулированы характерные черты, особенности социального облика и поведения Любомудров в 1820 - начале 1830-х годов, раскрыты истоки оппозиционности Любомудров в указанный период. Данная работа позволит составить более полное представление о специфике развития русской общественной мысли 1820-1830-х годов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/5/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 5(91) С. 29-34. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Артемова С. Ф., Редькина Д. С.** Мусульманская умма Среднего Поволжья в первой половине 1990-х гг. // Образование и наука в современном мире. Инновации. 2017. № 1. С. 46-51.
2. **Браславский Л. Ю.** Ислам в Чувашии: исторические и культурологические аспекты. Чебоксары: Чувашия, 1997. 158 с.
3. **Браславский Л. Ю.** Религиозные и оккультные течения в Чувашии (культы, церкви, секты, деноминации, духовные школы). Чебоксары: Чувашия, 2000. 374 с.
4. **Государственный архив современной истории Чувашской Республики** (ГАСИ ЧР). Ф. 2969. Оп. 1.
5. **Государственный исторический архив Чувашской Республики** (ГИА ЧР). Ф. Р-203. Оп. 24.
6. **ГИА ЧР.** Ф. Р-1857. Оп. 4.
7. **Ефремов Е. Н.** Основные тенденции мусульманского возрождения в Приволжском федеральном округе // Сборник научных трудов Казанского государственного архитектурно-строительного университета / под ред. А. М. Сулейманова. Казань, 2009. С. 194-199.
8. **Ефремов Е. Н.** Русская православная церковь и российская умма: основные направления социального партнерства и межконфессионального диалога в постсоветский период: монография. Саранск, 2014. 184 с.
9. **Мартьяненко А. В., Надькин Т. Д.** Трудный путь возрождения: мусульманские уммы Мордовии, Чувашии, Марий Эл (1990-е – середина 2010-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57). Ч. 1. С. 106-109.
10. **Надькин Т. Д., Ефремов Е. Н.** Государственная политика в отношении мусульманской общины Мордовии в первом десятилетии 2000-х гг. в контексте формирования российской нации // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 4 (32). С. 140-142.
11. **Силантьев Р. А.** Ислам в современной России: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008. 576 с.
12. **Чуваши: этническая история и традиционная культура** / авт.-сост. В. П. Иванов, В. В. Николаев, В. Д. Димитриев. М.: ДИК, 2000. 96 с.

MUSLIM UMMAH IN THE SYSTEM OF STATE POLICY OF CHUVASHIA IN THE 1990S

Efremov Evgenii Nikolaevich, Ph. D. in History
Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev, Saransk
een.pravo@gmail.com

The article considers the evolution of the Chuvash Republic state policy with respect to the local Muslim Ummah during the 1990s. The study of these processes is accompanied by the complex analysis of the sources and historiography of the problem. Basing on the information of the State Historical Archives of the Chuvash Republic and the State Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic, introduced into scientific use for the first time in the national historical science, the author singles out the main trends, peculiarities and problems of state-Islamic interaction in the chronological framework of the research.

Key words and phrases: Islam; confessions; Muslim Ummah; Orthodoxy; Regional Spiritual Administration of Muslims of the Chuvash Republic; The Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic; The Chuvash Republic.

УДК 94(47)07

Дата поступления рукописи: 18.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.6>

Целью данной статьи является сравнительный анализ социального и бытового поведения представителей любомудров и декабристов. В ходе проведенного исследования были выявлены общие черты и отличия общественного и бытового поведения любомудров и декабристов, связанные с влиянием просветительской идеологии и романтизма. Автором были сформулированы характерные черты, особенности социального облика и поведения любомудров в 1820 – начале 1830-х годов, раскрыты истоки оппозиционности любомудров в указанный период. Данная работа позволит составить более полное представление о специфике развития русской общественной мысли 1820-1830-х годов.

Ключевые слова и фразы: бытовой «карбонаризм»; декабристы; любомудры; романтизм; просветительство; социальное и бытовое поведение.

Константинова Людмила Владимировна, к.и.н.
Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
lyciconstant@mail.ru

**ЛЮБОМУДРЫ И ДЕКАБРИСТЫ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНОГО И БЫТОВОГО ПОВЕДЕНИЯ**

С конца XX века и до настоящего времени в отечественной историографии существует устойчивый интерес к проблемам, связанным с различными аспектами повседневной жизни человека в разные исторические эпохи. Это не случайно, так как подробности и нюансы образа жизни и быта позволяют историку,

с одной стороны, увидеть нечто уникальное, особенное, а с другой стороны, выявить и сформировать обобщенные, типичные черты эпохи, которой он занимается. Включение человека посредством воспитания в определенное историко-культурное пространство способствует его социализации, формирует тип поведения и свои символы. Именно поведение часто отражает особенности конкретной исторической эпохи, без его изучения невозможно получить представление о жизни людей в прошлом. Изучение форм социального и исторического поведения групп и отдельных личностей важно для уяснения побудительных мотивов тех или иных поступков в обществе и в конечном итоге для характеристики их взглядов.

В качестве исследовательской задачи мы выбрали сравнительный анализ социального и бытового поведения современников – декабристов и любомудров. Данная проблема недостаточно исследована в отечественной историографии. Если декабризм как явление общественной жизни изучен достаточно (мы не будем перечислять труды, посвященные различным аспектам взглядов и деятельности декабристов), то любомудрию повезло значительно меньше. Во-первых, потому, что степень влияния их идей на русское общество середины 1820-х годов довольно быстро стали эволюционировать. Тем не менее, на наш взгляд, стоит обратить внимание на любомудров хотя бы потому, что многие из них позднее внесли существенный вклад в развитие русской общественной мысли XIX века.

Само «Общество любомудрия» типологически можно отнести к редкому типу литературно-философской просветительской организации. Хронологически оно существовало в Москве период с 1823 года по 1825 год одновременно с поздними организациями декабристов, однако типологически было ближе к более раннему «Союзу Благоденствия». Можно сказать, что декабристов и любомудров роднили установки на нравственное совершенствование личности и общества, однако идейным фундаментом для размышлений любомудров стали идеи немецкой философии конца XVIII – начала XIX века, в основном шеллингианство. Декабристов и любомудров объединяет многое: общий тип воспитания и образования; многочисленные родственные и дружеские связи; атмосфера, в которой происходило формирование их личностных качеств и взглядов.

Важным аспектом для анализа «Общества любомудрия» является социальное и бытовое поведение его членов. Анализ данного аспекта социально-психологического облика любомудров поможет определить их место в жизни русского общества 20-30-х годов XIX века, поможет понять, что их отличало от основной массы дворянства, а что, напротив, их сближало с участниками многочисленных кружков и салонов, существующих в указанный период.

Любомудры принадлежали к культурной элите Москвы как по образованию, так и по происхождению. Московское дворянское общество традиционно находилось в оппозиции официальному Петербургу. Как метко отмечал исследователь общественной мысли А. М. Скабичевский, характеризуя общественную ситуацию 1820-х годов, «как прежде Москва была средоточием опального неслужилого дворянства, так и теперь все, кто не хотели служить... удалялись в Москву, где административное око не было так бдительно как в Петербурге, где общество, изстари привыкшее к эксцентрическим проявлениям барской прихоти, не удивлялось столь же эксцентрическим проявлениям независимой мысли...» [15, с. 121]. Действительно, в Москве даже после подавления выступления декабристов продолжал сохраняться дух независимости и вольнолюбия, что проявилось, например, в существовании университетских кружков.

Для любомудров был характерен независимый тип социального поведения. Их оппозиционность имела некие сходные черты с поведением декабристов в повседневной жизни. Для декабристов был характерен особый тип поведения – бытовой «карбонаризм», проявляющийся, в частности, в резкости и прямоте суждений, критике существующих общественных недостатков. Это было характерно для поведения декабристов как в период существования «Союза Благоденствия», так и в период перехода к тайной конспирации, когда, по логике вещей, должен был бы произойти сдвиг в тактике поведения. Становясь заговорщиками, декабристы не вели себя в светских салонах и в бытовом общении «как все». По мнению Ю. М. Лотмана, их подчеркнутая независимость суждений и поступков была неким опознавательным знаком члена тайного общества [8, с. 305]. Подобная оппозиционность поведения была свойственна и любомудрам, но проявлялась не в столь открытой форме, мотивация поступков также была иной.

Примерно в одном ключе следует понимать поступок декабриста Д. И. Завалишина, отказавшегося воспользоваться рекомендательным письмом к графу А. А. Аракчееву, и поступок любомудра А. И. Кошелева, отказавшегося от камер-юнкерства, которое ему предлагал исхлопотать его дядя Р. А. Кошелев, известный масон и мистик, глава петербургских мартинистов начала XIX века. Как признавался сам А. И. Кошелев, он считал «придворные звания, мундиры и обязанности – лакейством, и притом тем худшим, что оно не вынужденное, а добровольное» [14, с. 56]. Интересна и практическая одинаковая реакция обоих высокопоставленных чиновников на отказ молодых людей от покровительства – обвинение их в либерализме. Р. А. Кошелев заявил племяннику, что с подобными идеями «не продвигаются вперед, а готовятся к Сибири или к чему-то худшему» [Там же, с. 55-56]. Упоминание Сибири не случайно. Описанный мемуаристом сюжет относится к декабрю 1826 года, когда в памяти дворянства были свежи воспоминания о судьбе «заговорщиков в офицерских мундирах».

История с А. И. Кошелевым относится к 1826 году, а годом ранее любомудр был посетителем вечеров у своего родственника декабриста М. М. Нарышкина, где часто шла речь о политике, о необходимости введения конституционного правления в России. Можно говорить об определенном влиянии декабристских идей на поведение любомудра и некоторых других его товарищей по обществу (Д. В. Веневитинова, И. В. Киреевского). Степень увлечения любомудров политическими вопросами не стоит преувеличивать, так как ими интересовалась лишь часть членов общества.

Независимость общественного поведения была присуща любомудрам и до их знакомства с декабристами. Так, И. В. Киреевский, начиная служить в Московском архиве Коллегии иностранных дел в чине актуариуса, вошел в конфликт со своим непосредственным начальником М. Шульцем, который требовал в довольно резкой форме от своего подчиненного ежедневного посещения архива в установленные часы. И. В. Киреевский, как многие «архивные юноши», пользуясь негласным разрешением начальника архива А. Ф. Малиновского, позволял себе приходить в архив не каждый день и не всегда вовремя, что и стало основной причиной конфликта. И. В. Киреевский хотел уволиться из архива, оскорбленный не столько замечанием, сколько его формой. Мотивация поступка И. В. Киреевского в данном случае определялась внутренним убеждением в своей правоте и чувством собственного достоинства [12, ед. хр. 35, л. 9 об. – 10 об.]. Подобные качества не приветствовались на службе. Наличие собственного мнения, иногда не совпадающего с мнением начальства, и, самое главное, открытое его выражение, типологически сближает поведение любомудров и декабристов.

Независимость поведения и поступков любомудры сохранили и после декабря 1825 года. А. И. Кошелев в своих записках вспоминает эпизод, по времени относящийся к концу 1820-х годов: «Был концерт у графини Лаваль: я сидел подле прелестной гр. Сологуб (впоследствии Обресковой), за моим стулом стоял один приятель (Мертваго), который, увидевши, что гр. Нессельроде стоял подле меня, довольно громко сказал мне: “Кошелев, подле тебя стоит твой начальник, уступи ему свой стул”. Взбешенный этими словами, я ответил ему также не тихо: “В обществе у меня нет начальников; если ты другого мнения, то принеси для него стул”. Нессельроде вскоре отошел, но вероятно, с мыслью: “Это – карбонари; для нас такие люди непригодны”» [14, с. 57]. Конечно, в данном случае А. И. Кошелев руководствовался в первую очередь понятиями светских приличий, правилами поведения в салоне. Однако, высказав прямо и четко свою позицию, он по типу речевого поведения оказался близок к оппозиционности декабристов. В условиях николаевского времени, когда ценились услужливые и исполнительные чиновники, подобная независимость воспринималась окружающими как бытовой «карбонаризм». А. И. Кошелев, отказываясь уступить место министру иностранных дел, в чьем ведомстве он служил, вел себя не как чиновник, а как дворянин с четкими представлениями о дворянской чести. Отсутствие чинопочитания, критический настрой по отношению к порядкам, царящим в чиновничьей среде, закрыли ему в конечном итоге возможность сделать блестящую служебную карьеру. В поведении А. И. Кошелева имеется и еще один аспект. Если посмотреть на его действия с точки зрения поведения романтического героя, то многое встанет на свои места. Для любомудра поступок в салоне был проявлением его представлений о праве личности на свободу выражения мысли и действия, к тому же освященным правилами поведения человека в светском обществе. Так должен был поступать просвещенный дворянин начала XIX века. В этом проявляется единство слова и действия, свойственные декабристам.

Подобная «строптивость» поведения в сочетании с активной общественной позицией и литературной деятельностью любомудров определила пристальное внимание к ним III отделения. Хотя сами любомудры (за исключением Д. В. Веневитинова) не были привлечены по делу «14 декабря», тем не менее удостоились внимания политической полиции на многие годы. С одной стороны, этому способствовала естественная оппозиционность московского дворянского общества по отношению к столичному Петербургу. С другой стороны, после 1825 года власть всеми силами стремилась установить полный контроль над общественной ситуацией. Все, что не укладывалось в эту схему, заслуживало тайного или явного полицейского контроля. Уже в конце 1826 года в доносах III отделения любомудры названы «либералистами» и «якобинцами», хотя к этому времени само «Общество любомудрия» было уже распущено, часть его членов переехала на службу в Санкт-Петербург, но продолжала еще несколько лет сохранять дружбу. Пристальное внимание III отделения не оставляло бывших любомудров многие годы. В поле зрения политической полиции попадали И. В. Киреевский, В. П. Титов, А. И. Кошелев [7, с. 160-161].

В отличие от декабристов, любомудры не были людьми действия. Общественно-политическая установка на практическое изменение политического быта России, военный опыт декабристов, большинство которых были офицерами, участниками Отечественной войны 1812 года, – эти черты определили деятельное поведение членов тайных обществ [8, с. 298]. Среди любомудров, напротив, не было военных, если не считать близкого к ним по взглядам в 1820-е годы А. С. Хомякова. Большинство из любомудров выбрало статскую службу, но воспринимало ее как часть служения обществу и государству. Любомудры все же младшие современники декабристов. Формирование их взглядов и представлений пришлось на начало 1820-х годов, когда интерес к военной службе заметно снизился из-за усилившейся муштры и фрунтмании в армии. Интересное предположение высказал Е. А. Бобров, анализируя жизненный путь Дмитрия Владимировича Веневитинова, поэта, одного из активнейших участников «Общества любомудрия»: «...человек такого склада ума, такого воспитания и образования, как Веневитинов, тихая, сосредоточенная натура, не мог бы найти себе удовлетворения и деятельности по душе в военной службе. Он избрал себе довольно скромную службу в Архиве коллегии иностранных дел...», которая давала возможность попасть за границу, ознакомиться с иною жизнью, с иными порядками, а также не «требовала от него пока разлуки с матерью и верными друзьями» [2, с. 17-18]. На наш взгляд, этому выбору способствовали серьезное увлечение немецкой философией, литературные и публицистические занятия любомудров. Однако для многих литераторов, в том числе и для декабристов, военная служба не являлась препятствием для литературных занятий. Именно приверженность к немецкой философии, склонность к кабинетным спорам и беседам, которую подмечали и родные, и знакомые любомудров, оказали влияние на их отношение к выбору служебной деятельности.

Влияние романтизма в начале XIX века наложило отпечаток и на бытовую сферу русского образованного общества. Для европеизированного дворянина александровской эпохи была свойственна двойственность

поведения: в идеологической сфере – ориентация на нормы европейской культуры, в практической сфере – связь с обычаями, бытом, реальными условиями помещичьего хозяйства и службы. Возможность выбора стиля поведения в зависимости от ситуации характеризовала русского передового человека начала XIX века [8, с. 300-301]. Эта же особенность отличала «либералиста» от декабриста. Для последнего было характерно единство поведения как воплощение героико-романтического идеала. Поступки и поведение декабристов часто определялись сюжетами литературных произведений. В качестве образцов выступали, например, героические сюжеты типа «клятвы Горациев» или «прощание Гектора и Андромахи» [Там же, с. 308-309]. Любомудры, будучи романтиками мистического направления, для подражания выбирали иные типы героев, для которых было характерно стремление к внутренней свободе личности.

Для декабристов примером являлся герой-борец с враждебным миром, тираноборец, готовый пожертвовать своей жизнью ради великой цели. Для любомудров идеалом являлся философ-мудрец, возвышенный поэт, пребывающий в конфликте с непосвященной толпой. Недаром героями ранних произведений любомудра В. Ф. Одоевского становятся дервиши, отшельники, брамины, прозревшие неземные истины, размышляющие над вечными проблемами мироздания [11]. Таков и образ поэта у Д. В. Веневитинова. Ему чужды утешения толпы, «безумный крик, холодный смех и необузданная радость» [4, с. 37]. Поэту – «любимцу муз и вдохновенья» – противопоставляется в стихах автора бездушная и пустая толпа [Там же, с. 43].

Перед исследователем встает вполне закономерный вопрос: можно ли выделить характерные черты любомудра, отличающие его от других? Сравнивая литературного героя ранних произведений В. Ф. Одоевского Ариста (как прототипа любомудра) и Грибоедовского Чацкого (по мнению Ю. М. Лотмана, прототипа декабриста), выделим обобщенные черты облика любомудра. В основу положим анализ бытового поведения героев.

Сходство Ариста и Чацкого – в их странности в глазах окружающих людей, то есть тип их бытового поведения отличается от общепринятого в дворянском обществе. Манера говорить и держать себя выдает в Чацком «опасного человека». Он сознательно отказывается воспользоваться протекцией для продвижения по службе, «подставить стул, подать платок», тем самым противопоставляя себя светскому обществу. Его речи направлены против рабства и невежества [6, с. 78].

Арист, представитель знатной фамилии, также не дорожит мнением окружающих его людей, предпочитая общаться с умным, но бедным и незнатным человеком, нежели с богатым и знатным, но глупым. Он игнорирует тем самым сословные предрассудки [10, с. 144]. Осуждая, как и Чацкий, невежество, Арист не произносит обличительных речей против рабства, так как его интересы лежат вне социальной сферы. Для Ариста более характерно размышление, чем страстные филиппики. Холодное отстранение от «высшего света», презрение к его глупости и душевной пустоте отличают литературного героя-любомудра от героя-декабриста, ориентированного на действие. Чацкий стремится воздействовать на общественное мнение, Арист – на человека, личность. В этом заключается основное различие позиций декабристов и любомудров. Целью первых является изменение общества в целом, независимо от уровня просвещения отдельного человека. Здесь мы можем видеть влияние на декабризм идеологии Просвещения, прежде всего, идеи о том, что при помощи разума можно полностью переустроить общество. У любомудров же в центре внимания находится именно человек, целью которого является самопознание, самосовершенствование, а уже затем – умственное просвещение общества.

Герой-декабрист – страстный пропагандист, герой-любомудр, напротив, склонен к тихим кабинетным размышлениям. У В. Ф. Одоевского Арист – «нелюдим совершенный; он почитает те минуты счастливейшими в жизни, когда на свободе может в своем кабинете завалиться всевозможными книгами...» [Там же, с. 142], он «чужеземец в блестящем кругу большого света» [9, с. 294], всегда погруженный в размышления и исследования [Там же, с. 291].

Как отмечалось в литературе, в романтическом произведении новый тип человеческого поведения зарождается на страницах текста и оттуда переносится в жизнь [8, с. 308]. Поведению литературных персонажей стремятся подражать и в действительности. В этом отношении любомудры – типичные романтики. Модели, по которым они сверяют свое поведение, они создают сами. Арист – это обобщенный образ, представление о молодом любомудре, о том, каким он должен быть.

Необходимо отметить, что философствование в быту было в целом нетипично для дворянской молодежи. Именно поэтому приверженность молодых любомудров к немецкой метафизике, особенно шеллингианству, вызывала недоумение, иногда вежливое любопытство, а чаще всего неприятие. В январе 1826 года Е. А. Баратынский писал А. С. Пушкину: «Надо сказать, что московская молодежь помешана на трансцендентальной философии. Не знаю, хорошо ли это, или худо...» [1, с. 486]. Упрекала В. Ф. Одоевского в том, что он смотрит на жизнь сквозь очки «немецкого филозофства», не видя реальной жизни, его тетка В. И. Ланская. В. А. Жуковский в разговоре с князем В. Ф. Одоевским обвинял своего племянника Ивана Киреевского и московскую молодежь в привязанности к немецкой метафизике, которая, по мнению поэта, не могла заметить реального жизненного опыта. Наиболее резкие высказывания относительно московской молодежи сделал издатель «Северной пчелы», публицист Ф. В. Булгарин. В своем романе «Иван Выжигин», критикуя неслабее московское дворянство, архивскую московскую молодежь, писал: «...этот разряд (молодежи. – Л. К.) также доставляет Москве философов последнего покроя, у которых всего полно через край, кроме здравого смысла; низателей рифм и отчаянных судей словесности и наук» [3, с. 151]. Конечно, резкие высказывания Булгарина о московской молодежи невозможно понять без учета литературной полемики середины 1820-х годов, в которой любомудры приняли активнейшее участие.

Нельзя не отметить, что любомудры стремились сознательно выглядеть в глазах окружающих соответственно тому типу поведения, который, по мнению общества, должен был быть характерен для любомудра. Одним из основных признаков любомудрия была «склонность к учености». В это понятие включали целый спектр признаков: чтение серьезной литературы, например, философских трактатов, научных трудов; беседы на философские темы. Историк М. П. Погодин, вспоминая историю знакомства с князем Одоевским, так описывал его жилище: «Две тесные каморки молодого Фауста под подъездом были завалены книгами – фолиантами, квартантами и всякими октавами, – на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах, – так что пробираться между ними было мудрено и опасно...» [13, с. 52-53]. Еще одним признаком можно назвать стремление к расширению кругозора, к просветительству в самом широком смысле этого слова. Для любомудров эта деятельность воплощалась в понятии «самопознание», то есть познание сути человеческой личности, опирающееся на знание и философские начала.

Кратко коснемся поведения любомудров в сфере досуга. Для широкого круга «либералистов» 1810-х годов была присуща атмосфера праздника. Элемент карнавализации был способом отдыха от обыденности жизни, особенно это проявляется в заседаниях литературного общества «Арзамас», «Общества громкого смеха». Декабристы, вступая в такие общества молодых «либералистов», стремились направить их по пути высоких и серьезных занятий. По мнению Ю. М. Лотмана, «отменяя господствующее в дворянском обществе деление на области службы и отдыха, “либералисты” хотели бы всю жизнь превратить в праздник, заговорщики – в служение» [8, с. 325-326].

В этом отношении поведение любомудров ближе, конечно, к декабристам. Почти все они также осуждают светские развлечения – танцы, карты, волокитство – как занятия, отвлекающие от научных изысканий и как пустое времяпрепровождение. Впрочем, они не были аскетами, но посещению балов, вечеров предпочитали философский диспут или тихую прогулку с друзьями в окрестностях Москвы. В тайном донесении полиции в 1827 году относительно занятий одного из любомудров Ивана Киреевского особенно подчеркивалось его прилежание к чтению сочинений лучших русских авторов и отсутствие интереса к выездам в «публичные и партикулярные места», за исключением театра и ближайших друзей [5, ед. хр. 213, ч. 1, л. 6]. Культ дружбы и братства, основанный на единстве духовных идеалов, в равной степени был характерен как для декабристов, так и для любомудров. Однако духовные идеалы любомудров, основанные на непонятной большинству русского общества немецкой философии, не оказали значительного влияния на поколение 1820-х годов. Русское общество не было готово к восприятию теоретических выкладок любомудров.

Подводя итоги исследованию, стоит заметить, что между декабристами и любомудрами достаточно много близких черт общественного и бытового поведения. В первую очередь это стремление к просвещению общества в самом широком смысле этого слова, проявлявшееся в активной позиции (например, критика пороков «высшего» общества). Во-вторых, культ братства и дружбы был характерен и для декабристов, и для любомудров. В-третьих, это независимый тип социального и бытового поведения, у декабристов проявлявшийся практически постоянно в речевом поведении, в поступках. Для любомудров подобный тип поведения вытекал из осознания собственной избранности, причастности к высшим таинствам, недоступным большинству. Такие черты поведения любомудров, как ученость, склонность к кабинетным занятиям, философствование в быту, воспринимались как пропаганда «немецкого духа» и оценивались окружающими не всегда позитивно. Основное отличие любомудров и декабристов заключалось в том, что идейная основа просветительства любомудров была принципиально иной, нежели у декабристов. Любомудры не стремились к активным общественно-политическим преобразованиям, хотя и симпатизировали декабристам. Для них наилучшим способом являлось мирное просветительство, идейной основой которого должна стать национальная философия.

Список источников

1. Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М.: ГИХЛ, 1951. 646 с.
2. Бобров Е. А. Литература и просвещение в России XIX века. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1901. Т. 1. 215 с.
3. Булгарин Ф. В. Сочинения. М.: Современник, 1990. 704 с.
4. Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. М.: Наука, 1980. 608 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (III отделение). Оп. 2. Архив 1 экспедиции 1827 г.
6. Грибоедов А. С. Сочинения в стихах. Л.: Сов. писатель, 1987. 512 с.
7. Константинова Л. В. Любомудры и III отделение // IV Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925-1995): материалы международной научной конференции. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2008. С. 159-163.
8. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 296-336.
9. Одоевский В. Ф. Похвальное слово невежеству // Вестник Европы. 1822. № 20. С. 281-298.
10. Одоевский В. Ф. Странный человек // Вестник Европы. 1822. № 13-14. С. 140-146.
11. Одоевский В. Ф. Четыре аполога // Мнемозина. М., 1824. Ч. 3. С. 1-10.
12. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 99. Картон 7.
13. Погодин М. П. Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. М.: Тип. «Русского», 1869. С. 43-68.
14. Русское общество 40-50-х годов XIX века: в 2-х ч. М.: Изд-во МГУ, 1991. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. 237 с.
15. Скабичевский А. М. Очерки развития прогрессивных идей в нашем обществе. 1825-1860. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1872. 512 с.

LYUBOMUDRY AND DECEMBRISTS: COMPARATIVE ANALYSIS OF SOCIAL AND EVERYDAY BEHAVIOUR

Konstantinova Lyudmila Vladimirovna, Ph. D. in History
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
lyciconstant@mail.ru

The article provides the comparative analysis of Lyubomudry's and Decembrists' social and everyday behaviour. The analysis helped to discover similarities and differences in Lyubomudry's and Decembrists' social and everyday behaviour, which were caused by the influence of Enlightenment ideology and romanticism. The author identifies Lyubomudry's typical features, peculiarities of their social image and behaviour in the 1820s – at the beginning of the 1830s, discovers the origins of Lyubomudry's oppositionism in the mentioned period. The study contributes to more detailed understanding of specific development of the Russian social thought of the 1820-1830s.

Key words and phrases: everyday “carbonarism”; Decembrists; Lyubomudry; romanticism; enlightenment; social and everyday behaviour.

УДК 94"16/18"

Дата поступления рукописи: 24.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-5.7>

Статья посвящена так называемому «спору о ритуалах» – продолжительному дипломатическому, теологическому и доктринальному конфликту между императорским Китаем и Ватиканом. Автором предпринята попытка подойти к рассмотрению истории конфликта в исторической перспективе: ведь схожий конфликт в китайско-ватиканских взаимоотношениях можно наблюдать и ныне. Отмечается, что, хотя «спор о ритуалах» спустя столетия непрерывных скандалов нашел свое мирное разрешение, корень конфликта не изжит до сих пор, а природа его – в несовместимости ряда культурных парадигм, свойственных как китайской цивилизации, так и западному христианству.

Ключевые слова и фразы: Ватикан; иезуиты; «спор о ритуалах» (“rites controversy”); миссионеры; Китай; конфуцианство.

Круглова Мария Семеновна

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва
mashakruglova999@gmail.com

«СПОР О РИТУАЛАХ» КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Осенью 2016 г. в прессе появились сообщения о том, что в долгой истории конфликта между властями коммунистического Китая и Ватикана по вопросу права назначения глав католических епархий в Китае самим Ватиканом, а не Пекином произошли положительные сдвиги [3]: еще в апреле 2016 г. была создана совместная китайско-ватиканская рабочая группа. Ее цель заключалась в урегулировании взаимоотношений, основным камнем преткновения в которых являлся вопрос о назначении епископов властями Ватикана, что рассматривалось правительством Китая как акт вмешательства во внутренние дела страны. Уже в августе текущего года было объявлено о достигнутых договоренностях. Предыдущий епископ Гонконга кардинал Иоанн Тон Хон в еженедельной епархиальной газете *Kung Kao Po* опубликовал статью, где сообщил, что отныне за основу принятой и Ватиканом, и Пекином процедуры назначения епископов может быть взята «вьетнамская модель», в рамках которой назначение Ватиканом епископов согласовывается с правительством Вьетнама [9].

Вызывающая, несомненно, позитивные эмоции новость вместе с тем позволяет проводить и некоторые исторические параллели. Речь идет о т.н. «споре о ритуалах», явившемся «самым разрушительным спором, который потряс католический мир в Новое время» [2, с. 162]. И дело здесь не в широком конфликтном потенциале нынешних договоренностей, а в механизмах взаимодействия между Китаем и Ватиканом, китайской и европейской – католической – культурами. Дабы продемонстрировать механизмы возникновения поля напряженности во взаимодействии Китая и Ватикана, полного культурологических и теологических, входящих в неизбежный конфликт представлений, мы опишем основные события, положившие начало «спору о ритуалах», с учетом участия в них основных персоналий – представителей Ватикана в Китае, их культурных и идеологических установок, фактически ставших причиной развития конфликта.

Напомним, что в основу «спора о ритуалах» легли дискуссии о том, могут ли китайские неофиты – члены Римско-католической церкви – принимать участие в традиционных для китайской культуры обрядах культа предков и почитания Конфуция. Компромиссную позицию в этом споре занимали миссионеры из числа монахов Общества Иисуса – иезуиты. Они полагали, что между принятием христианства и совершением ряда привычных для китайцев обрядовых практик принципиального противоречия нет. Считая китайские обряды культа предков и почитания Конфуция скорее актами подтверждения гражданской и национальной идентичности, но никак не идентичности религиозной, иезуиты не запрещали своей новообращенной китайской пастве участвовать в обрядах культа предков и почитания Конфуция.

Долгое время подобная позиция не встречала негативной реакции ни со стороны чиновников Ватикана, ни со стороны самого папы. Более того, в 1656 г. папа Александр VII признал практику терпимого отношения